

«Давным-давно». Шура Азарова.

«Каса маре». Василица.

«Учитель танцев». Фелисиана.

«Берегись автомобиля». Мать Деточкина.

«Птицы нашей молодости». Тетушка Руца.

ЗА ПЯТЬДЕСЯТ лет сценической деятельности народной артистки СССР Любви Добрыжанской, четыре десятилетия из которых отданы ею Центральному театру Советской Армии, актриса встречалась с разными персонажами — не только с теми, что увлекали в мир добра и красоты, но и с воплощениями человеческих пороков и пошлости. Однако самыми дорогими для нее были героини, позволявшие страдать и радоваться, мучиться и ликовать — словом, жить — захлеб, полно, интересно, окрыленно, захватывающе. Мир такой героини становится миром актрисы. Сама Любовь Добрыжанская в беседах говорит, как о живых лю-

и ее сын, и ее внучка Соня. Мария Васильевна Добрыжанская остается в памяти именно серой, слепой, бесполезной молью. Старой, заколдованной в своем обожании «трудо» профессора-пустышки. Это — образ чеховского звучания!

О матери Юрия Деточкина — героя фильма «Берегись автомобиля» — можно рассказать много, можно представить, что было до и после ее минутного пребывания на экране. Любовь Добрыжанская сумела в очень коротком эпизоде создать характер, несколькокий короткими штрихами очертить биографию своей героини. Очень живая, общительная, очевидно, редко имеющая собеседника, она говорлива и наивна, бесхитростна и простодушна. Акт-

этого спектакля и его героини хотелось немедленно отправиться на фронт, о чем тогда я и писала отцу на передовую — до сих пор храню это письмо как память военных лет и живое свидетельство огромного влияния героини Добрыжанской. А сколько было потом столь же потрясающих встреч с героинями любимой актрисы! С Катариной в «Укрощении строптивой» и Фелисианой в «Учителе танцев» — такими разными и такими удивительно близкими, живыми, музыкальными, пластичными, вызывающими взрывы смеха в зале и устанавливающими тишину раздумий, сопереживаний.

Комиссар из «Оптимистической трагедии», Негина в «Талантах и поклонниках», леди

профиль артиста

СОЗДАТЬ

ХАРАКТЕР...

дах, о тех, кого создавала на сцене. Очевидно, в этом и заключена тайна ее творчества, тайна успеха у зрителя.

Ее Василица — крестьянка из молдавского села в пьесе И. Друцэ «Каса маре», поставленной в ЦТСА, — притягивает к себе не только сердца односельчан и молодого парня Павла, но и зрителей. Постигая ее мысли, душу, проникаешься верой и любовью к ней. Тринадцать лет прошло с тех пор, как впервые заговорила, задумалась, зажила на сцене страстная, умная, щедрая Василица, немолодая солдатская вдова, распахнувшая душу свою всему миру, всем людям, земле, «со всем, что растёт на ней и что должно еще вырасти со временем». Любовь Василицы, поздней, последней силы и красоты, переделала Павла, помогла «человеку человеком стать». Добрыжанской — Василице, ее бескорыстной, высокой и самоотверженной любви верил зритель, потому что актриса не играла это чувство, а жила им. Зритель вместе с Василицей уходил со спектакля просветленный, обогащенный любовью, узнавший тайну душевной красоты, истинного благородства Женщины.

Любовь Ивановна Добрыжанская великолепна, незабываема и в совсем крошечных, эпизодических ролях. В спектакле «Дядя Ваня» ей была поручена роль Марии Васильевны Войничкой — всего девять реплик. Почти не участвуя в разговорах и спорах главных персонажей чеховской пьесы, эта старая дама с неизменной книгой в руках, как серая моль, неслышно, бесшумно двигается по дому, изредка вступая в беседы и вызывая раздражение своими репликами: невольный, нелепый и туманный. Она всю жизнь пряталась от света жизни, от правды, пряталась, «отманивая свои глаза... схоластикой», чтением пустых, бездарных, никчемных брошюр своего кумира — профессора, «пишущего perpetuum mobile». Добрыжанская внесла в спектакль тот штрих, ту необходимую краску, без которой картина жизни в имении Войнички была бы неполна, незаконченна. Бессмысленно прошло по жизни, загубив все лучшее в себе ради «ученого» Серебрякова, и она,

риса в этой крошечной роли настолько естественна и правдива, что кажется, будто ее героиню выхватила скрытая камера из гущи нашей повседневности.

Добрыжанская — один из блестящих мастеров эпизода, искусства наиболее трудоемкого, требующего от исполнителя не только полной отдачи, погружения в образ, но и филигранной отточности каждой детали. Еще в 20-е годы, когда Добрыжанская играла в Киевском русском драматическом театре, она научилась раскрывать в считанные минуты сценической жизни персонажа целый мир, всю судьбу человека. Возможно, именно в то далекое время и почувствовала Добрыжанская вкус к эпизодическим ролям, которых ей пришлось тогда переиграть немало.

В экранизации романа Ф. М. Достоевского «Игрок», осуществленной режиссером А. Баталовым, Добрыжанская, играющая бабушку, просто поразительна. «...Грозная и богатая, семидесятипятилетняя, Антониде Васильевна Тарасевичева, помещица и московская барыня, ...умиравшая и не умершая», «бойкая, задорная, самодовольная, прямо сидящая» в кресле, которое слуги с почтением носят на руках или возят, в исполнении Любви Добрыжанской предстала существом изумительным, азартно-феерическим клубком страстей, горения, капризов, своей воли. Характер, созданный актрисой, — глубочайшего накала, истово властный, повелительный, изменчиво-прихотливый...

Во время войны, в самые трудные для Отчизны годы — 1942-й — начало 1943-го, — актриса взволновала зрителя своей Шурой Азаровой в спектакле ЦТКА «Давным-давно» по пьесе А. Гладкова (истати, она была первой исполнительницей этой роли). Порывистая, решительная, веселая, озорная, страстная патриотка своей Родины, волевая, смелая и находчивая, Шура Добрыжанской была настолько обаятельна и неотразима, что не подражать ей, казалось, было невозможно. Помню, под впечатлением

Гамильтона в пьесе «Флаг адмирала», Толгонай в «Материнском поле», поставленном на сцене Московского драматического театра имени К. С. Станиславского, Руца в «Птицах нашей молодости»... Комические и драматические, остроты сатирические и трагедийные — все краски во власти актрисы. Все эти роли, столь разные, сыгранные Добрыжанской мастерски, раскрыты «до дна». Ее героини, как правило, темпераментны, порывисты и поэтичны, творческая индивидуальность актрисы совершенно исключает слащавость и сентиментальную слезливость, трогательную хрупкость и аморфную расплывчатость.

Характерна в этом смысле последняя работа актрисы — тетушка Руца в пьесе И. Друцэ «Птицы нашей молодости». Снова молдаванка, снова человек трудной, я бы сказала, трагической судьбы. К этой одинокой женщине тянутся все односельчане, идут со своими радостями и бедами, идут за советом, за помощью, за одобрением. А что может принести человеку большее горе, чем одиночество, и, наоборот, большее счастье, чем любовь людей и необходимость им? Тетушка Руца нашла смысл жизни в служении людям. Все в ней, воплощенной Любовью Добрыжанской, одухотворено неподдельной заинтересованностью в судьбе человеческой, жаждой помогать людям. Она прямо-таки заражает своей страстной любовью ко всему живому и прекрасному — к птицам, природе, земле, человеку. Руца одновременно земная и романтически возвышенная. Очень близкая, понятная и... человек с чудинкой, своего рода Дон Кихот. Лучшее, что можно сказать о человеке, говорил М. Горький, это назвать его Дон Кихотом. Своей невестке Паулине тетушка Руца говорит, как воспитывать будущего человека: «Пусть он вырастет душевным». «Главное — научить его, когда смеяться, а когда плакать». Руца Добрыжанской так понимает великую миссию матери — научить человека радоваться и огорчаться, научить «человека человеком быть».

Всему этому и учит на протяжении полувека вдохновенное искусство самой Любви Ивановны Добрыжанской, большой советской актрисы, поистине Народной.

Алла РОМАНЕНКО
Фото И. ЕФИМОВА